

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России, декан исторического факультета ПетрГУ
verigin@psu.karelia.ru

ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

Статья посвящена слабо изученному вопросу российской историографии – проблеме положения военнопленных финской армии в период Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов. Доказывается, что в период военных действий НКВД безуспешно пытался использовать финских военнопленных в пропагандистских и разведывательно-диверсионных целях. Статья подготовлена на основе широкого круга источников – архивных документов из центральных и карельских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Советско-финляндская (Зимняя) война, финские военнопленные, НКВД, пропагандистская и разведывательная деятельность

Среди различных аспектов Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов до сих пор остается слабо изученным вопрос о положении финских военнопленных на территории СССР, являющийся составной частью общей истории Зимней войны. Это объясняется тем, что финляндские авторы не имели доступа к документальным источникам из фондов советских архивов. Поэтому данная тема рассматривалась в соседней стране лишь в мемуарной литературе.

В отечественной историографии длительное время (1950–1980-е годы) этот вопрос по идеологическим соображениям был практически закрыт для исследователей. Историки не имели возможности получить необходимые архивные документы, отражающие положение военнопленных армий противника на территории СССР. Ситуация стала меняться только в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда были сняты идеологические ограничения на исследование проблем истории

Второй мировой войны и историки наконец-то получили доступ к ряду архивных документов, которые ранее хранились под грифом «секретно». В 1990-е годы начали появляться первые публикации, в основном в виде небольших по объему статей, затрагивающие некоторые аспекты данной темы [14], [19], [16], [17]. И только в 1997 году вышла первая специальная работа В. П. Галицкого «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.)» [15].

Сложность исследуемого вопроса заключается в том, что в период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов противоборствующие стороны не вели отдельного учета своих военнопленных, фиксируя лишь пропавших без вести. При этом, по официальным данным, с советской стороны пропали без вести 39 369 человек, а с финской – 3273 человека [20; 45]. К сожалению, исследователям пока не удалось обнаружить в архивах точных данных о количестве финских военнопленных,

находившихся в 1939–1940 годах на территории СССР. В финляндской историографии эта цифра колеблется от 825 до 1000 человек. По данным российских авторов, общее количество военно-пленных финляндской армии варьируется от 800 до 1100 человек [19; 99], [18]. Отдельным и также недостаточно исследованным вопросом положения финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны является вопрос об использовании их органами НКВД СССР в разведывательных и пропагандистских целях.

К началу войны с Финляндией СССР уже имел определенный опыт содержания военнопленных армий противника (польских, японцев и др.). Их содержание регулировалось изданными «Положениями о военнопленных». В период Зимней войны действовало два «Положения о военнопленных»: первое – утвержденное Положением ЦИК и СНК СССР № 46 от 19 марта 1931 года, почти полностью совпадавшее с текстом Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 года; второе – утвержденное Экономическим Советом СНК СССР от 20 сентября 1939 года и определившее режим содержания всех категорий военнопленных, находящихся в СССР [15; 21]. Данные нормативные акты исходили из двух основных принципов. Во-первых, военнопленные сохраняли свое гражданство. Во-вторых, они находились под защитой как международного права о защите жертв войны, так и внутригосударственного права державшей их в плену страны.

Руководство СССР требовало от Управления по делам военнопленных (УПВ) НКВД СССР соблюдения этих правовых актов. Однако в практической деятельности администрации лагерей принципы содержания военнопленных часто нарушались. Это выражалось в плохом бытовом обеспечении (размещении военнопленных в неприспособленных для проживания помещениях, неполноценном питании, отсутствии необходимых условий и др.), не всегда квалифицированном медицинском обслуживании, неудовлетворительном обеспечении вещевым довольствием. В целом по сравнению с условиями содержания советских военнопленных в Финляндии (см. подробнее об этом: [21]) правовое положение финских военнопленных в основном соблюдалось. Анализ архивных данных показывает, что это даже вызывало недоумение у некоторых финских военнопленных, не рассчитывавших на такое отношение и содержание их в советском плену.

С началом войны против Финляндии в полосе действия 7, 8, 9 и 14-й армий советских войск были созданы специальные пункты приема для финских военнопленных: Мурманский (на 500 человек), Кандалакшский (на 500 человек), Кемский (на 500 человек), Сегежский (на 1000 человек), Медвежьегорский (на 800 человек), Петрозаводский (на 1000 человек), Лодейнопольский (на 500 человек) и Сестрорецкий (на 600 человек). Для финских военнопленных были подготовлены 4 тыловых лагеря: Южский (Ивановская область) на

5000 человек, Потьма (Мордовская АССР) на 6000 человек, Грязовец (Вологодская область) на 2500 человек, Путивль (Сумская область) на 4000 человек [15; 29].

Предполагалось, что война станет для СССР победоносной, финская армия будет разгромлена, а все оставшиеся в живых военнослужащие будут взяты в плен. С этой целью надо было подготовиться к приему пленных. Эта задача была возложена на созданное в сентябре 1939 года УПВ НКВД СССР.

В конце декабря 1939 года начальник УПВ майор госбезопасности П. Сопруненко рапортовал в Наркомат внутренних дел о готовности 6 лагерей к приему финских военнопленных численностью до 27 тыс. человек. Все эти лагеря уже использовались для приема военнослужащих польской армии, интернированных осенью 1939 года в СССР в результате военных действий Красной армии по присоединению к Советскому Союзу территории Западной Белоруссии и Западной Украины [19; 99]. В качестве резерва держали еще три лагеря: Карагандинский (Спасо-Заводской) Казахской ССР на 5 тыс. человек, Тайшетский Иркутской области на 8 тыс. человек и Велико-Устюженский Вологодской области на 2 тыс. человек. Однако говорить о полной готовности лагерей было трудно. УПВ НКВД СССР неправлялось с поступавшей массой интернированных военнослужащих польской армии, к приему и размещению которой НКВД СССР с его отложенным механизмом ГУЛАГа оказался практически не готов. Так, начальник Особого отдела НКВД, проведя инспекцию одного из лагерей, предназначенного для пленных финнов, – Южского, отмечал в докладной записке на имя начальника УПВ П. Сопруненко, что лагерь не подготовлен для нормального содержания военнопленных [11; 49], [19; 99].

В решении этого вопроса советским властям «помогли» сами финны. Количество пленных было небольшим, на что явно не рассчитывало советское руководство. Так, по нашим подсчетам, за декабрь 1939 – март 1940 года петрозаводский приемный пункт военнопленных, один из самых крупных среди других действующих пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек (подсчитано по данным: [2]). В итоге единственным лагерем для пленных финнов стал Грязовецкий лагерь Вологодской области, расположенный в 7 км от г. Грязовца). В книге учета этого лагеря значатся имена 600 финских военнопленных, но надо учесть, что в ней не указаны те, кто умер в советском плену. Сведения об умерших финнах в документах Центрального аппарата и политотдела ГУПИ НКВД СССР отсутствуют.

Однако не всех пленных финнов отправляли в Грязовецкий лагерь. Проведенный нами анализ архивных документов, содержащихся в Архиве МВД РК (протоколы допросов военнопленных, состав этапных списков из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь и др.), показывает, что раненых, тяжело больных, обморожен-

ных военнослужащих оставляли в госпиталях г. Петрозаводска [2]. Кроме того, часть военнопленных финнов вообще не отправлялись в лагерь, а использовались советскими органами для проведения пропагандистской и разведывательной деятельности.

В период Зимней войны финская пропаганда утверждала, что всех военнопленных большевики расстреливают или отправляют в Сибирь, но, как уже отмечалось, большинство финских военнопленных были отправлены в Грязовецкий лагерь Вологодской области. Сохранились воспоминания некоторых из них. Так, бывший военнопленный Тадеус Сарримо вспоминал: «Ухаживали за нами хорошо. Раненым давали чистые бинты, от холода сразу дали водки... По прибытии в лагерь дали щи, чай и гречневую кашу с подсолнечным маслом. Мы были сыты... Кормили в лагере в общем-то хорошо, только финские желудки не были приучены к щам, и военнопленные жаловались... В комнатах у военнопленных был шкаф, где они хранили хлеб и сахар. Санитарные условия были хорошие. Вшей было очень мало. Ночью люди играли в карты и шашки. Днем не работали...» [19; 100].

Ввиду небольшого количества сохранившихся архивных документов в настоящее время трудно дать обстоятельную картину жизни и быта финских военнопленных в СССР. Отчет старшего инспектора 4-го отдела УПВ НКВД, приехавшего с проверкой в Грязовецкий лагерь в начале февраля 1940 года, остался, по существу, единственным официальным документом, зафиксировавшим условия содержания пленных финнов. В нем отмечалось: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет следствием скученность контингента и делает невозможным уборку помещений. На одного военнопленного приходится 0,6 кв. м, что крайне недостаточно... Одеял и простыней для военнопленных нет» [19; 100].

Тяжелые бытовые условия органы НКВД старались компенсировать политической и культурно-воспитательной работой среди военнопленных. Большинство пленных финнов были выходцами из рабочих и крестьян – среди, близкой «стране победившего социализма». Поэтому в основу политической работы с пленными был положен тезис о том, что главная задача Красной армии в военной кампании против Финляндии состоит в освобождении финских трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. С этой целью еще в самом начале войны советская печать сообщила, что в финском г. Териоки, занятом частями Красной армии, создано Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом. Оно опубликовало «Декларацию Народного Правительства Финляндии», объявило об образовании Финляндской демократической республики (ФДР), а также заключило «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР».

Советское руководство надеялось на поддержку правительства Куусинена со стороны финского населения. Определенная роль при этом отводилась и военнопленным. В карельских архивах нами были изучены протоколы допросов более 260 финских военнопленных. Наряду с обычными вопросами, которые задавали следователи на пунктах приема военнопленных: к какой части принадлежите? какое имеется вооружение, снаряжение и обмундирование? каково настроение солдат? и др., были и политические: что вы знаете о народном правительстве Куусинена и его программе? знаете ли вы, что войну против СССР начала кровожадная финская буржуазия? хотели бы вы остаться в СССР? и др. На допросах следователи пытались также выявить среди финских военнопленных членов политических партий и организаций Финляндии, особенно их интересовали шюцкор и Карельское академическое общество. В Советском Союзе их считали контрреволюционными, антисоветскими организациями.

Вопрос о том, какова была прослойка шюцкора среди финских военнопленных, остается не до конца выясненным. В. П. Галицкий считает ее незначительной, отмечая, что из 697 военнопленных финской армии (691 финн и 6 шведов), содержащихся в Грязовецком лагере в период с декабря 1939 года по март 1940 года, было официально выявлено лишь 69 шюцкоровцев [15; 107]. Однако проведенный нами анализ архивных документов этапных списков финских военнопленных из Петрозаводска в Грязовецкий лагерь не позволяет согласиться с этим. Прослойка шюцкора составляла от 1/4 до 1/3 всех пленных (подсчитано нами по данным: [2]). Надо иметь в виду, что шюцкор для финляндской молодежи в 1930-е годы был примерно такой же организацией, как комсомол для советских молодых людей. Поэтому довольно значительная часть молодежи Финляндии состояла в шюцкоре.

На наш взгляд, это разнотечение в документах объясняется тем, что часть военнослужащих финской армии, зная интерес советских органов к шюцкору и Карельскому академическому обществу, пытались скрыть свое членство в них. И если при первых допросах на пересыльных пунктах военнопленных они признавались в принадлежности к этим организациям, то затем, попав в Грязовецкий лагерь, стали отрицать свое участие в них. Некоторые старались объяснить это тем, что вступили в шюцкор по молодости и неопытности. Так, военнопленный из крестьян Яков Мойланен на допросе в петрозаводском приемном пункте пленных 8 декабря 1939 года заявил, что в шюцкор вступил необдуманно, по молодости совершив глупость. А теперь «осознал», что шюцкоровцы защищают не интересы рабочих и крестьян, а интересы буржуазии [3; 6–8]. Однако надо иметь в виду, что были и такие военнопленные, которые заявляли, что вступили в шюцкор добровольно, оказывая посильную помочь своей стране. Об этом, например, сообщил следователю на допросе

в этом же приемном пункте 9 декабря 1939 года один из военнопленных, бывший учитель Эйно Юлкунен [5; 19].

Среди военнопленных встречались также члены Крестьянской партии Финляндии («Малайслиитто»), женской организации «Лотта Свярд» и даже Коммунистической партии Финляндии. Так, согласно этапному списку из петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь 18 января 1940 года из 29 военнопленных шюцкор представляли 7 человек, Крестьянскую партию – 1, Компартию – 1 (Онни Сааринен); по этапному списку 5 января 1940 года, из 41 человека шюцкор представляли 5 человек, Карельское академическое общество – 1, «Лотта Свярд» – 1 (Сирка Урасмаа) [5; 12, 61, 63].

В. П. Галицкий по политическим взглядам разделил финских военнопленных на три группы: 1) высказывавшие лояльное отношение к СССР, его политическому устройству, необходимости быть с ним в добрососедских отношениях и т. п. (около 20 % как в период 1939–1940 годов, так и в период 1941–1944 годов); 2) проявлявшие антисоветские, фашистские, крайне националистические настроения, во взглядах которых отражалось враждебное отношение к СССР, русским (около 15–20 %); 3) занимавшие в условиях плена нейтральную позицию, так называемые «молчуны», которые как в неофициальной, так и в официальной обстановке скрывали истинное отношение и к СССР, и к фашизму, занимали позицию «не нашим и не вашим» (около 60 %). Представители последней группы, как правило, всегда ставили свои подписи под политическими воззваниями, подготовленными антифашистами для использования в пропагандистских целях (все возможные документы, распространявшиеся среди военнопленных, военнослужащих и населения Финляндии, и т. п.) [15; 107].

Между первой и второй группами шла упорная борьба за перетягивание на свою сторону военнопленных из третьей группы. Безусловно, администрация лагерей и их политический аппарат отдавали предпочтение первой группе, активно боролись с представителями второй группы и проводили разъяснительную работу в третьей группе финских военнопленных. Систематически собирались данные о политико-моральном состоянии финских военнопленных. Потребителями этой информации были руководство НКВД СССР, Бюро военно-политической информации ЦК ВКП(б), 7-е Управление ГлавПУРККА, секция Компартии Финляндии при ИККИ. Так, 21 февраля 1940 года начальник Грязовецкого лагеря военнопленных докладывал руководству УПВИ НКВД СССР, что политико-моральное состояние финских военнопленных нормальное; положением в плену довольны; среди них ходят слухи о том, что не финны, а Красная армия открыла огонь по своим войскам 26 ноября 1939 года; регулярно проводится читка газет на финском языке; изучение их продолжается посредством бесед и т. п.; нужна по-

мощь в организации библиотечки на финском языке; кинофильмы демонстрируются с субтитрами на финском языке и т. д. [15; 107].

С февраля 1940 года в списках военнопленных армии Финляндии стали выявляться добровольцы из Швеции, Норвегии и других стран. Так, согласно этапному списку военнопленных от 1 марта 1940 года из петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь было отправлено 28 человек, среди них два шведа-летчика: командир эскадрильи Пер Стегнер и прапорщик-летчик Оне Юнг [5; 12].

Несколько лет назад в Петрозаводске побывала группа кинематографистов из Швеции, которая снимала фильм об Оне Юнге. Члены группы обратились к нам с просьбой познакомиться с архивными материалами о нем. Удалось установить, что самолет О. Юнга был сбит под Ухтой (Калевалой), затем он был направлен в Грязовецкий лагерь, а потом в ходе обмена военнопленными вернулся на родину.

В допросах военнопленных армии Финляндии на приемных пунктах принимали участие члены редколлегии газеты «Кансан Валта» (печатный орган правительства Куусинена) и ее редактор Линко, а также представители Народного правительства. Особое внимание при допросах уделялось тем военнослужащим, которые добровольно сдались в плен Красной армии. Справедливости ради стоит отметить, что таких было немного.

Анализ архивных документов показывает, что основная часть финских военнопленных не поддерживала идею создания Териокского правительства. Финны заявляли, что они защищают свою родину от завоевания Советского Союза [10; 4–31]. Так, военнопленный Матти Андреевич Сайкконен, 1907 года рождения, рабочий-пильщик, по происхождению из крестьян губернии Сортавала, на допросе на Сестрорецком приемном пункте ответил следователю: «Разговоры о том, что СССР не воюет с финским народом, – это ложь, борьба идет за самостоятельность финского народа. Что касается правительства Куусинена, то у нас есть законное правительство в Хельсинки» [10; 8].

Члены правительства Куусинена – министр внутренних дел Т. Лехен и министр сельского хозяйства А. Эйкия, проводившие беседы на сестрорецком приемном пункте в конце февраля 1940 года с финскими военнопленными, входившими в состав 62, 63 и 68-й стрелковых полков, 2-го берегового артполка и других соединений, сражавшихся в районе Выборга, отмечали: «В отличие от первой партии военнопленных, захваченных до прорыва линии Маннергейма, среди последних партий нет людей, которые бы верили в слабость Красной армии; все говорят, что Финляндия потерпит поражение, что ей не устоять против огромного превосходства сил. Все военнопленные подчеркивают усталость трудающихся от войны, однако добровольный переход на сторону Красной армии имел место лишь в единичных случаях.

Программу правительства Куусинена считают пропагандой» [10; 70].

Судя по архивным источникам, лишь небольшое число финских пленных дало согласие на сотрудничество с советскими политическими и разведывательными органами. По социальному составу в основном это были рабочие и крестьяне, многие из них – представители социал-демократической партии. Так, среди военнопленных сестрорецкого приемного пункта, которые добровольно сдались в плен и выразили желание сотрудничать с советскими властями, были: Карл Холстикко, социал-демократ с 1938 года; Орво Пейтсамо, 1905 года рождения, социал-демократ; Матвей Луома, добровольно сдался в плен и заявил, что верит в декларацию правительства Куусинена; А. Виртанен, перешел на сторону Красной армии и согласился написать листовки на фронт; Ю. Путила, пожелал написать обращение к финским солдатам и др. [10; 14–58].

В числе военнопленных, которые прошли в декабре 1939 – январе 1940 года через петрозаводский приемный пункт пленных, также были те, кто добровольно сдались в плен и начали сотрудничать со следователями: Арви Лимантус, Анти Валтонен, Отто Лейкас, Ялмари Мустонен, Юоху Хуттунен, Отто Суутари, Арво Яко, Арне Кархонен и др. Так, Арне Кархонен, крестьянин-батрак из деревни Селкоскюля прихода Суомуссалми, подписал подготовленное письмо, в котором призывал финских солдат с оружием в руках переходить на сторону Народного правительства Финляндии. В письме отмечалось, что Красная армия идет в Финляндию с целью освободить финский народ от гнета капиталистов и помещиков [3; 44–67]. С помощью таких военнопленных готовились письма и обращения к солдатам финской армии, часть которых в виде небольших по формату антивоенных листовок с портретами военнопленных забрасывалась в тыл противника [6; 18–19], другая часть в качестве пропагандистских материалов публиковалась в органах печати Териокского правительства.

Приведем в пример типичную листовку.

«*Финские солдаты приветствуют Народное правительство.*

Мы, солдаты финской армии, 12-й отдельной строительной роты, находясь в плену у Красной армии, узнали о том, что в Финляндии, в г. Териоки, создано новое правительство, которое является действительным представителем и выразителем воли трудящихся. Это правительство даст мир финляндскому народу, установит контроль над крупными фабриками и заводами, уничтожит безработицу, голод и нищету трудового народа. Поэтому мы, как и каждый рабочий, крестьянин, солдат Финляндии, приветствуем новое Народное правительство и опубликованную им Декларацию. Мы будем всеми силами помогать ему в осуществлении поставленных им задач.

Урье Торикиака, Калле Лахти» [6; 18–19].

Советские политические органы пытались использовать финских военнопленных в своих пропагандистских целях и через радиопередачи на финском языке различных радиостанций. Активно работала радиостанция Народного правительства. Только с 1 по 28 января 1940 года вышло 154 радиопередачи. Уже сам перечень названий радиопередач говорит о желании советской стороны расколоть финляндское общество, найти в нем поддержку правительства Куусинена: «Новый год – год побед!» (1 января), «День присяги Народной армии» (2 января), «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 января), «Маннергейм – палач финского народа» (4 января), «Обращение к солдатам финской армии» (8 января), «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 января), «Куда ведут страну белофинские генералы» (18 января) и др. [8; 1–14]. По радио неоднократно передавались обращения к финским солдатам членов Народного правительства и руководства Финской народной армии с призывом сложить оружие и прекратить сопротивление Красной армии. С 15 января 1940 года практически ежедневно в радиопередачах стали зачитываться письма финских военнопленных.

В период Зимней войны Программа вещания Сектора оборонных передач Ленинградского радиокомитета резко увеличила число и объем передач на финском языке. Значительное место в них также отводилось «пропагандистским выступлениям» финских военнопленных. Так, в отчете особой редакции вещания на финском языке при Ленинградском радиокомитете за 1–19 февраля 1940 года говорилось: «По радио выступили финские военнопленные Ярвинен и Суоминен. Была организована внестудийная передача из госпиталя военнопленных белофиннов в г. Сестрорецке» [13; 7–10].

Для повышения действенности радиопропаганды политические передачи часто сочетались с музыкальными. Например, 19 января 1940 года Сектор оборонных передач Ленинградского радиокомитета транслировал литературно-музыкальный концерт финской музыки, а в паузах звучали взволнования финских военнопленных к солдатам и населению Финляндии с призывами сложить оружие и перейти на сторону Красной армии [9; 15].

Серьезное внимание в работе с военнопленными отводилось повышению их политического и культурного уровня. В Грязовецком лагере, где содержалась основная масса финских военнопленных, у финнов была изъята «шовинистическая литература» и Евангелие. Вместо этого был рекомендован список партийных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Молотова, Берия, а также произведения классиков мировой и русской литературы: Сервантеса, Гете, Жюль Верна, Пушкина, Тургенева, Чехова и др.

В. П. Галицкий отмечает следующие направления политической работы в Грязовецком лагере: проведение тематических бесед в соответствии с планами политического отряда лагеря, беседы по

текущим вопросам международного и внутреннего положения Советского Союза, распространение литературы на финском языке и ее обсуждение, организация передвижных библиотек, демонстрация кинофильмов с соответствующими пояснениями и комментариями, создание актива военнопленных, целенаправленное и всестороннее изучение военнопленных посредством бесед с ними (групповых и индивидуальных), использование писем и заявлений военнопленных по различным вопросам; пропаганда Финской народной армии и склонение военнопленных к вступлению в ее ряды и т. д. [15; 112]. Однако политическая и культурная работа среди финских военнопленных велась недостаточно активно и профессионально. Главная причина заключалась в отсутствии необходимого количества политработников, владевших финским языком.

Так, 29 февраля 1940 года старший инструктор политического отдела УПВ НКВД СССР батальонный комиссар Лисовский в докладе о результатах проверки политической работы среди финских военнопленных Грязовецкого лагеря отметил необходимость отправить в этот лагерь 1–2 инструкторов со знанием финского языка. О. Куусинен и Т. Антиайнен в своей докладной записке в адрес Бюро военно-политической пропаганды ВКП(б) и в Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ) также отмечали неудовлетворительную постановку пропаганды среди финнов в период войны 1939–1940 годов [15; 114]. Все эти недостатки в дальнейшем были учтены в политической работе с финскими военнопленными в войне 1941–1944 годов.

Плен для финнов оказался недолгим. Уже в апреле 1940 года между СССР и Финляндией начался обмен военнопленными.

Несмотря на все усилия советских органов, эффективность идеологической деятельности среди финских военнопленных была весьма низкой. Так, после многочисленных уговоров остаться в СССР, а иногда и угроз того, что после возвращения в Финляндию военнопленные будут расстреляны, лишь небольшая часть финнов приняла решение остаться в Советском Союзе. По документам трудно установить точное число таких людей. В книге учета Грязовецкого лагеря из 600 финских военнопленных только 14 человек проходили с отметкой «добровольно остался в СССР» [19; 101]. И в действительности их вряд ли было немногим больше. В. П. Галицкий по этому поводу пишет: «Из всего количества финских военнопленных осталось на постоянное жительство в СССР и приняло советское гражданство 20 граждан Финляндии, из них трое русских по национальности. Среди оставшихся в СССР были следующие финские военнопленные: Суутари Отто Матти, финн, 1910 г. р., приход Салми, служил в отдельном батальоне 2-й роты резерва, в плен попал 8 января 1940 г. в г. Салласа; Салминен Вильям-Еханнес, финн, 1915 г. р., пос. Ямя, служил рядовым 6-й роты 62-го полка, попал в плен 28 февраля 1940 г. в районе Перо; Пуссила Юрье Хейкки,

финн, 1916 г. р., дер. Сипола, служил во 2-й роте 26 полка, в плен попал 26 февраля 1940 г. в районе Вуюксенринта; Маннонен Леви Микко, финн, 1911 г. р., Выборгская губерния, служил в 7-й роте 31-го полка, в плен попал 12 декабря 1939 г. в районе Муолла и др.» [15; 67].

С самого начала военных действий большой интерес к финским военнопленным стали проявлять и советские разведорганы. Уже в ходе первых допросов финнов на приемных пунктах военнопленных их сотрудники особое внимание уделяли «классово близким элементам – рабочим и крестьянам», никогда не состоявшим в шюцкоре, Академическом карельском обществе и других (как считали в СССР) антисоветских организациях. У таких лиц выявляли мотивы вступления в финскую армию, настроение, с которым они воевали, имеют ли данные люди родственников в СССР (прежде всего в Карелии) и т. п. Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались те финны, которые добровольно сдались в плен Красной армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали о том, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях, сообщали и другую полезную для советских органов информацию. Именно среди таких людей велась вербовка агентов.

В последние годы нам удалось познакомиться с некоторыми прежде секретными архивными документами периода Зимней войны. В карельских государственных и ведомственных архивах были обнаружены списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД в период Зимней войны, прошли соответствующую разведподготовку в СССР и затем в качестве агентов в 1940–1941 годах были заброшены на территорию Финляндии. Однако анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и работы этих агентов на родине была низкой. Большинство агентов были либо арестованы спецорганами Финляндии, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. Многие «агенты» не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах на территории СССР, раскрывали свои «задания», но и обещали сообщать в соответствующие органы, если на них выйдут «русские шпионы».

Так, Илмари Фагерстрём, член шюцкора, попал в плен в 1939 году, был завербован советскими спецслужбами и в 1940 году заброшен в Финляндию. Сдался финским властям и обещал помочь в разоблачении русских разведчиков. Суло Ярвинен, будучи в плену в период Зимней войны, дал согласие на сотрудничество с советской разведкой. Однако после переправки его в Финляндию в 1940 году сдался финской полиции, дал сведения о своей вербовке в СССР и обещал помочь в разоблачении «советских шпионов», если они выйдут на него. Тойво Муукка попал в плен в 1939 году и дал согласие на сотрудничество с советскими

спецслужбами. Прошел соответствующую подготовку в спецшколе НКВД и в 1940 году с общей массой финских военнопленных был возвращен в Финляндию, но сразу признался финским следователям в том, что является «русским шпионом», рассказал о процессе вербовки и подготовке в спецшколе и обещал содействовать в раскрытии других советских разведчиков, если они будут искать контакты с ним [7; 4–165].

Вместе с тем мы не исключаем тот факт, что некоторые бывшие военнопленные могли не признаться финским властям в их вербовке советскими спецорганами и продолжить разведывательную работу уже в период войны 1941–1944 годов. Вполне понятно, что данный материал до сих пор остается секретным.

Финские военнопленные периода Зимней войны 1939–1940 годов использовались в основном на работах внутри Грязовецкого лагеря (работы по самообслуживанию, по благоустройству лагеря и своего быта и др.). Их труд на производстве вне лагеря фактически не применялся. Это можно объяснить незначительным количеством пленных, которые не могли принести большой пользы на объектах народного хозяйства или восполнить трудовые ресурсы страны. Кроме того, судя по архивным документам, НКВД не считал целесообразным лишний раз выводить пленных из мест их содержания.

Время пребывания финнов в советском тылу было недолгим. Согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года, предусматривался обмен военнопленными. Была создана Смешанная комиссия по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Правительство СССР в состав этой комиссии включило комбрига Евстигнеева (представитель Красной армии), капитана госбезопасности П. Сопруненко (начальник УПВ НКВД СССР) и Г. Тункина (представитель НКИД СССР). Правительство Финляндии в Смешанную комиссию выделило генерала Уно Койстинена (советник миссии), подполковника Матти Тийанена и капитана Арво Вийтанена. Основными вопросами, которые должна была решать комиссия, были: порядок передачи военнопленных, наведение справок о пропавших без вести, определение срока передачи тяжелораненых и больных. С 14 по 28 апреля 1940 года в г. Выборге состоялось 6 заседаний Смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Стороны сделали заявления о количестве военнопленных: в Финляндии, по официальным данным, находилось 5395 советских военнослужащих, в СССР – 806 финских военнослужащих.

В. П. Галицкий пишет: «...ни Костинен, ни Евстигнеев не располагали точными сведениями о количестве военнопленных. Уместно будет также напомнить, что в плен финские военнослужащие захватывались Красной армией и после 12 марта 1940 г. Так, после 12.00 13 марта 1940 г. в районе Тамиисуо были захвачены в плен 10 финских военнослужащих, которые переданы финским пред-

ставителям 16 апреля 1940 г. О данном факте доложивалось начальнику Генерального штаба РККА командарму 1-го ранга Шапошникову». Исследователь делает вывод, что всего было пленено 876 военнослужащих финской армии и 6116 военнослужащих советской армии. Расхождения в числе пленных можно объяснить плохим учетом и несвоевременным сообщением сводных данных членам Смешанной комиссии [15; 57–58].

Были также составлены списки раненых и больных (советских военнопленных – 170, финских – 53), которых передающая сторона обязывалась доставлять своими средствами до вагонов принимающей стороны. Первый обмен военнопленными состоялся 17 апреля 1940 года на границе СССР и Финляндии в районе ст. Вайниккала [19; 104].

Помимо обмена военнопленными комиссия решала и проблему розыска пропавших без вести. Финская сторона проявляла завидную настойчивость в этом вопросе. На каждом заседании ее представители делали запросы о всех пропавших без вести в годы войны, о гражданском населении, которое оказалось на оккупированной территории, уточняла неправильно записанные фамилии пленных. После ответа советской стороны об отсутствии у них того или иного человека запросы продолжались. В результате этой деятельности большинство пленных финнов смогли вернуться на родину.

Как отмечает В. П. Галицкий, порядок обмена военнопленными был следующим: они сводились в группы по 400–1000 человек и доставлялись в район Выборга (в основном передача осуществлялась на железнодорожной станции Вайниккала). Финские военнопленные из приемных пунктов и лагерей направлялись сначала или в Грязовецкий лагерь, или непосредственно на сборный пункт в районе г. Выборга. Перевозка осуществлялась по заявкам председателя советской комиссии комбрига Евстигнеева. Так, начальнику 3-го отдела штаба ЛВО комбригу Тулупову была направлена телеграмма-молния следующего содержания: «Прошу перевести 600 человек пленных финнов из лагеря военнопленных в Грязовец. Эшелон подать на станцию Грязовец Северной железной дороги из расчета, что он к 9.00 20 апреля 1940 г. должен быть на черте границы у станции Вайниккала на железной дороге Выборг – Симола. Эшелон конвоем и продовольствием будет обеспечен лагерем военнопленных НКВД» [15; 62–63].

Рассредоточенность на значительной территории северо-западной части СССР лагерей и приемных пунктов военнопленных, в которых финские военнопленные содержались небольшими группами до середины марта 1940 года, потребовала их предварительного сосредоточения в 2–3 местах для удобства доставки в пункты передачи. В некоторых случаях финские военнопленные направлялись в пункты обмена непосредственно из приемных пунктов. Так, 16 апреля 1940 года из сестрорецкого приемного пункта представителю

финской армии Вайнюля было передано 107 финских военнопленных (1 офицер, 7 младших сержантов, 8 капралов, 1 летчик-практикант, 90 рядовых) [15; 63–64]. Передача основной массы военнопленных осуществлялась 16, 20 и 26 апреля 1940 года: обмен проводился с советской стороны уполномоченными капитаном М. П. Зверевым и старшим политруком Н. Г. Шумиловым, с финской стороны – уполномоченным майором Вайнюля. Но передача финских военнопленных происходила и в начале мая 1940 года. Так, 6 мая 1940 года из Петрозаводска в Выборг было направлено 7 финских военнослужащих, которые в период войны получили ранения и прошли лечение в петрозаводских госпиталях (1 офицер и 6 солдат) [4; 28].

Благодаря взаимопониманию и слаженной работе всех членов советско-финляндской комиссии обмен военнопленными был осуществлен в течение одного месяца (16 апреля – 10 мая 1940 года), что уменьшило время страданий финских и советских военнослужащих в плену [15; 64].

В процессе обмена военнопленными решались и вопросы о возвращении им имущества. Так, 21 апреля 1940 года финской стороне было передано 19 873 марки 55 пенни, принадлежавшие финским военнопленным, находившимся в советском плену. Финская сторона, в свою очередь, передала советскому составу Смешанной комиссии ряд документов, изъятых у погибших во время

боев советских солдат: партийные, комсомольские и профсоюзные билеты, паспорта, военные билеты, удостоверения личности и др.

Изучение вопроса о финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны, как, впрочем, и позже, в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии большинство исследователей называют ее «война-продолжение») в российской историографии еще только начинается. Предстоит исследовать многие аспекты проблемы: проанализировать организацию приема и эвакуации финских военнопленных с линии фронта в тыловые районы СССР; рассмотреть документы, регулирующие пребывание военнопленных на территории Советского Союза (приказы УПВ НКВД СССР, нормативно-правовые акты НКВД и НКИД СССР относительно финских военнопленных и др.); определить правовое положение (статус) финских военнопленных по международному и советскому праву; дать характеристику социально-психологического климата среди пленных; раскрыть основные направления работы с ними и др. Однако уже сейчас на основе имеющегося материала можно отметить, что попытка советских политических и разведывательных органов использовать финских военнопленных в период Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов в своих целях не принесла ожидаемых результатов.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (далее – МВД РК). Особые папки. Д. 1/1. Т. 1.
2. Архив МВД РК. Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.
3. Архив МВД РК. Д. 1/1. Т. 1.
4. Архив МВД РК. Особые папки. Д. 1/1. Т. 2.
5. Архив МВД РК. Особые папки. Д. 2. Т. 1.
6. Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278.
7. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 5.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 516. Оп. 2. Д. 33.
9. РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 3.
10. РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 47.
11. Центр хранения историко-документальной коллекции. Ф. 1е. Оп. 3. Д. 3.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов (далее – ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 26. Д. 4327.
13. ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 28. Д. 943.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46.
15. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Издательский дом «Грааль», 1997. 248 с.
16. Дудорова О. А. Неизвестные страницы «Зимней войны» // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 12–23.
17. Ивашов Л. Г. Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 7–12; № 5. С. 45–50; № 7. С. 35–40.
18. Международная встреча-конференция историков, политологов и общественных деятелей России и Германии «Эра примирения». Петрозаводск, 1995.
19. Носырева Л., Назарова Т. Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. 1995. № 12. С. 99–105.
20. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
21. Pietola Eino. Sotavangit Suomessa, 1941–1944. Helsinki: Gummerus, 1987. 281 с.